ЛІРА

Для читателей Союзного государства Беларуси и России

ПОНЯТЬ ДРУГ ДРУГА

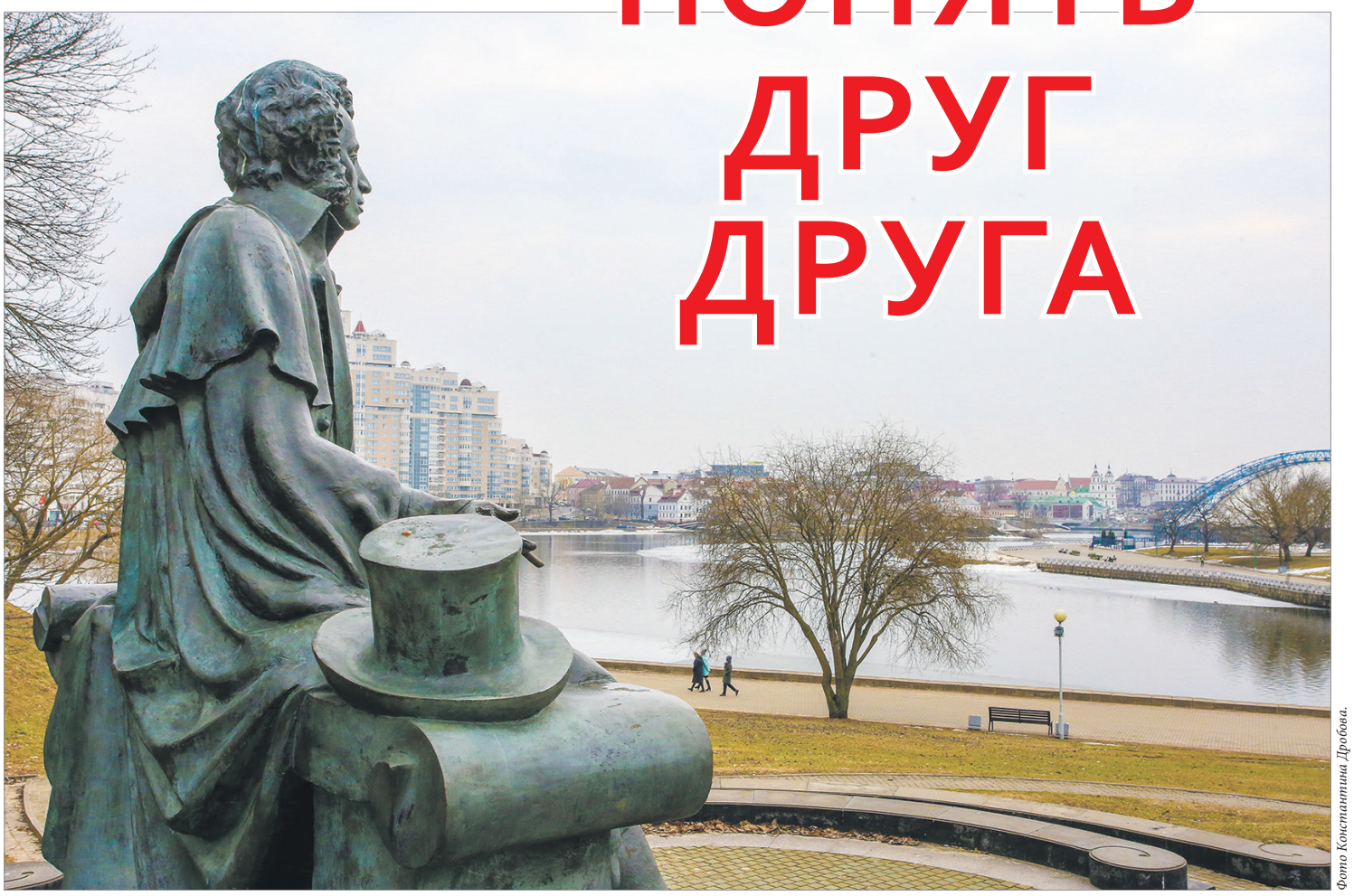

Фото Константина Дробова.

Это процесс не одного дня и не одного года. Он исторический: народы, жившие рядом, искали взаимодействие, вырабатывали такие формы контактов, за которыми бы открывался путь взаимного доверия и общения на разном уровне — без препятствий. И когда бы «наше всё» в общекультурном смысле складывалось из равных частей, и каждая бы могла рассчитывать на узнавание и уважение — через памятники и книги, фильмы и любимые песни о главном. Один день в апреле — это яркое свидетельство взаимопонимания народов, объединённых в Союзное государство при сохранении национального суверенитета государств — участников Союза.

Уважаемые читатели!

Сегодня мы представляем новый проект «Лира» в газете «ЛіМ», который выходит при поддержке Постоянного Комитета Союзного государства накануне Дня единения народов Беларуси и России.

«Лира» объединяет две наши культуры, оставляя право на самобытность для каждой из них. Сегодня у читателей Беларуси есть возможность более глубоко познакомиться с литературным процессом в России. Отрадно, что произведения авторов разных народов, населяющих Российскую Федерацию, приходят к белорусскому читателю на белорусском языке.

«Лира» даёт возможность погрузиться в историю и подумать о том, что нас связывает. Необходимо присмотреться к современности, сравнить и осмыслить общие тенденции, которые характерны для творческих процессов двух стран, и подумать о том, чем мы можем обогатить мировую культуру.

Постоянный Комитет Союзного государства считает своим долгом содействовать развитию контактов между Беларусью и Россией по всем направлениям, включая и культурную сферу. Раз в два года мы проводим конкурсы молодых писателей — авторов короткого рассказа на белорусском и русском языках, которые издаются в альманахе «Мост дружбы». Считаю, что важно создавать как можно больше площадок для общения, проводить общие форумы, семинары. Готовая трибуна — средства массовой информации, которые призваны содействовать укреплению отношений двух стран. Теперь это ещё и проект «Лира».

Григорий РАПОТА,
Государственный секретарь
Союзного государства

Эмоции

...Праздничные

День единения Беларуси и России отпразднуют концертом в Доме культуры Минского тракторного завода 2 апреля. На сцену выйдут коллективы, которые уже успели завоевать любовь по всему миру. Например, выступит Государственный академический Северный русский хор из Архангельска — гордость Северного края. Этот коллектив уделяет большое внимание сбору и изучению народных традиций и фольклорной песни. Хор существует с 1919 года, успел проявить себя на множестве фестивалей, а в 2008 году участники хора были удостоены премии Правительства РФ в области культуры. Кроме того, в Минске выступит литовская эстрадная певица Бируте Петриките, шоу казачьей песни «Маме нравится!» — виртуозные исполнители народного вокала и хореографии с уникальными аранжировками, хореографией и созданием атмосферы настоящего казачьего духа, а ансамбль народной песни и танца «Игрица» поможет «попутешествовать» по белорусской, русской, украинской, цыганской и казачьей культуре с помощью национальных песен и танцев.

Впечатления

...Эстетические

В галерее «Предместье» проходит выставка «Наш город Минск» — чудесная возможность не только для жителей Беларуси, но и для её гостей познакомиться со столицей через пейзажи лучших художников. Мотивы родного Минска «звучат» в работах Виталия Цвирко (который был секретарём правления Союза художников СССР), Леонида Шемелёва (художник известен своей взаимной любовью к Минску, где есть галерея его имени), Александра Кищенко (автора самого большого в мире «Гобелена века», занесённого в книгу рекордов Гиннеса), Павла Масленикова, Владимира Стельмашонка (автора портретов множества исторических деятелей), Натана Воронова (мастера лирического и индустриального пейзажа), Георгия Скрипниченко (автор смелых и эпатажных работ), а также Николая Дучица, Моноса Моносзона, Сергея Каткова и Михаила Рогалевича. Экспозиция включает виды старого и нового, военного и миролюбивого Минска, города с богатой историей, вдохновляющего на творчество. Словом, лучший способ попутешествовать во времени и пространстве.

Возможности

...Образовательные

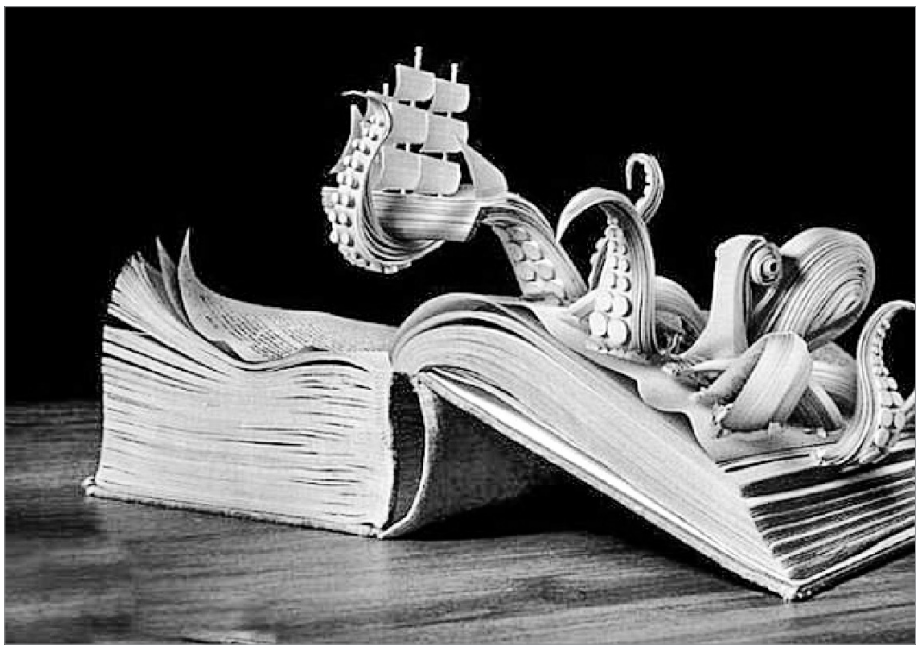
Студенты и выпускники вузов, аспиранты и молодые учёные из Беларуси и России не старше 35 лет могут участвовать в конкурсе для молодых экспертов-международников Союзного государства Беларуси и России.

Представленные работы могут раскрывать тематику белорусско-российских отношений и интеграционных процессов на евразийском пространстве с участием России и Беларуси с позиций политологии, экономики, социологии, истории, философии. Заявки принимаются до 14 мая 2018 года в двух номинациях. В основной номинации рассматриваются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, написанные одним автором. В номинации дебютантов принимаются резюме (краткие изложения основных выводов) курсовых и выпускных квалификационных работ (бакалавриат и магистратура), написанные самостоятельно одним автором. Финалисты конкурса получают приглашение на летнюю школу в Институте Европы РАН, которая пройдёт в июле 2018 года в Москве.

Организаторами конкурса выступают Институт Европы РАН, Белорусский государственный университет, Российско-белорусский экспертный клуб и Информационно-аналитическое издание «Евразия. Эксперт». Проект реализуется при поддержке Постоянного комитета Союзного государства.

ИСКУССТВО ВДОХНОВЛЯТЬ

Искусство создаётся здесь и сейчас — в нём в образной форме отражается время и жизнь общества, давая возможность человеку лучше себя понять. Поэтому отметить лучшие работы — значит привлечь к ним внимание читателя, зрителя, слушателя. Этому во многом способствуют государственные инициативы, одна из которых — вручение Премии Союзного государства в области литературы и искусства. Решение вручать столь важные для деятелей культуры награды было принято в 1999 году (первую премию вручили в 2002-м) — с тех пор раз в 2 года экспертный совет определяет 3 личности, которые своими произведениями внесли большой вклад не просто в искусство, но и в укрепление отношений, дружбы и сотрудничество между Беларусью и Россией. За эти годы лауреатами премий стали драматург Алексей Дударев, писатель Иван Шамякин, композитор Александра Пахмутова, художник Михаил Савицкий, актёры Александр Калягин, Ростислав Янковский и Владимир Гостюхин, дирижёр Михаил Финберг, художник Леонид Щемелёв и другие деятели культуры. Имена трёх лауреатов Премии Союзного государства в области литературы и искусства будут названы в этом году на Международном фестивале искусств «Славянский базар в Витебске». Экспертный совет уже определился с выбором. Но мы предлагаем познакомиться со всеми номинантами: их работы обогатили нашу культуру.

1. В числе номинантов на Премию Союзного государства — председатель правления Союза писателей Беларуси **Николай ЧЕРГИНЕЦ** за романы «Операция "Кровь"», «Сыновья», дилогию «Вам — задание», «За секунду до выстрела». Автор более полусотни художественных книг. Книги Чергинца переведены более чем на 15 языков, а многие романы внесены в список лучших произведений мира. Чергинец отмечает, что «литература — это срез жизни общества, она должна идти впереди реалий, заниматься предвидением. Будет читаем тот, кто предскажет, что может случиться в будущем».

Сам Николай Иванович говорить о своих достижениях не любит — считает, что литература намного важнее статусов и званий, тем не менее последних у Чергинца много: в 1998 году его имя внесли в Книгу рекордов Гиннеса за достижения в области культуры и науки, спустя 7 лет Кембриджский библиографический центр назвал его «Международным профессионалом 2005 года», а в 2008 году Американский библиографический институт присвоил ему звание «Человек года» за вклад в развитие Беларуси. За годы своей разноплановой карьеры (а Чергинец был футболистом и военным, имеет юридическое образование, работает в сфере журналистики и литературы) получил 13 орденов и более 50 медалей, и на этой цифре он точно не остановится. На Премию Союзного государства Николай Иванович номинирован не только за свои книги, но и за вклад в развитие отношений Беларуси и России: Чергинец — сопредседатель Международного общества писательских союзов и Союза писателей Союзного государства Беларуси и России, лауреат множества литературных премий. Кроме того, Николай Чергинец принимал активное участие в создании Союзного государства, помогал разрабатывать правовые акты СНГ.

2. Ещё один деятель культуры Беларуси **Павел ЯКУБОВИЧ** тоже принадлежит к числу работников слова. Он номинирован на Премию Союзного государства за публицистические произведения, которые внесли вклад в укрепление отношений дружбы, братства и культурного сотрудничества между Беларусью и Россией. Свой путь в журналистику Якубович начал во время службы во Внутренних войсках МВД СССР — был корреспондентом газеты «Боевой призыв». Сейчас Якубович — один из ведущих белорусских журналистов, получивший известность своими фельетонами и спортивными репортажами ещё в советское время. Затем публициста заинтересовала политическая сфера.

Павел Изотович успел поработать в легендарной газете «Знамя юности», не менее легендарном журнале «Крыніца», в «Народной газете». Но главное достижение Якубовича — газета «СБ. Беларусь сегодня», которую он возглавлял в течение 24 лет. За время, которое он провёл на столь важном посту («СБ» — главная газета страны), успел поучаствовать в создании крупного государственного медийного холдинга, состоящего из 12 изданий. Особое место в холдинге уделили и изданиям, освещающим жизнь Союзного государства Беларуси и России — газетам «Союз» и «Союзное вече». Кроме журналистики, Якубович активно занимается и общественной деятельностью — например, на протяжении нескольких лет является инициатором общественного обсуждения по нашумевшему в Беларуси мемориалу Куропаты под Минском, также возглавляет общественный совет при МВД Беларуси.

3. Авторский коллектив в составе сценариста, режиссёра **Ирины МАРГОЛИНОЙ**, соавтора сценариев **Елены ДОЛИНСКОЙ**, ассистента режиссёра **Ольги ОНОПРИЕНКО**, режиссёров **Оксаны ЧЕРКАСОВОЙ**, **Елены ПЕТКЕВИЧ**, **Ирины КОДЮКОВОЙ** номинирован за цикл мультфильмов «Сказки старого пианино». Этот анимационный образовательный проект познакомил детей с биографиями и творчеством великих композиторов. «Сказки старого пианино» — это проект, созданный сразу несколькими странами. Например, кино о Чайковском снимали в Британии, о Моцарте — в США, о Шумане, Бахе, Шопене и Прокофьеве — в Беларуси, картины о Россини, Вивальди и Дебюсси — в России. За период с 2007 по 2015 год аниматоры создали 13 фильмов о великих музыкантах и сразу же получили за них награды на престижных фестивалях «Золотой орёл», «Окно в Европу», фестивалях в Варне и Требоне. Кроме того, фильмы можно назвать маленькими шедеврами, все они выполнены в разной стилистике и анимационной технике: на песке, с применением живописи на стекле и фольге, с использованием кукольной анимации, рисованной мультипликации с элементами компьютерной графики. Каждая из картин так или иначе показывает личность своего создателя. В багаже Ирины Марголиной более 150 киносценариев. Елена Петкевич училась у знаменитого Юрия Норштейна. Ирину Кодюкову, награждённую «Золотым орлом», по праву называют белорусской Леди Анимацией. Елена Долинская, Ольга Оноприенко и Оксана Черкасова работают с анимационным кино мастерски, ведь что может быть сложнее, чем создавать фильмы для самых непоседливых и нетерпеливых зрителей — детей.

4. В списке номинантов — имя главного дирижёра Государственного академического симфонического оркестра Беларуси, народного артиста Республики Беларусь **Александра АНИСИМОВА**. Он первый представитель Беларуси, который удостоен почётного звания доктора музыки Национального университета Ирландии (такое же было у Шостаковича и Ростроповича). В списке мест, где выступает Анисимов, находятся буквально все континенты, а мировые гастроли включают концерты в самых известных концертных залах: *Teatro La Fenice* в Венеции, Берлинская *Komische Oper, Opera Bastille* в Париже и на многих других площадках. Многим оркестрам посчастливилось поработать с маэстро Анисимовым, ведь если в СНГ его имя может не сказать ничего, то в Западной Европе и Азии одно только упоминание его фамилии гарантирует аншлаг на предстоящих концертах.

Александр Анисимов начал свою карьеру в Ленинградском Малом театре оперы и балета, затем стал главным дирижёром в Большом театре оперы и балета Беларуси. В течение 6 лет руководил оркестром Самарского академического оперного театра, но всё же главной его заботой остаётся Симфонический оркестр Беларуси. Именно под руководством Анисимова оркестр стал не просто популярным, а известным, ведущим в стране. В исполнении музыкантов всегда звучит самая актуальная, красивая и востребованная музыка, а в гастрольном графике — Франция, Германия, Испания, Япония и другие страны. Именно Александра Анисимова в качестве дирижёра выбрала Монсеррат Кабалье для своего первого оперного концерта в московском Кремле, именно он руководит Филармоническим оркестром в корейском Пусане. Под руководством этого человека были записаны самые важные в мировой музыке симфонии и балеты.

5. Советский и российский композитор-песенник **Олег ИВАНОВ** номинирован на премию за цикл песен, включающий известные «Олесю», «Завалинку», «Глухариную зарю», «Печки-лавочки» и др. В годы своей юности Иванов ещё не знал, что будет автором песен для множества российских и зарубежных коллективов и что его будут узнавать по одному только названию песни «Товарищ»: он поступил в медицинский институт (ректор пророчил ему большую карьеру), но уже на первом курсе проявил музыкальные способности. Участие в самодеятельности, КВН, сочинение песен и выступления — всё это привело к тому, что Иванов решил полностью посвятить себя музыке, поступил в консерваторию и с тех пор о принятом решении не жалеет.

Его карьера началась стремительно: познакомился с белорусскими музыкантами, показал свои песни Василию Раинчику, так они и начали звучать на большой сцене. С того времени Иванов стал одним из самых востребованных песенников: его произведения звучали в репертуаре Льва Лещенко, Иосифа Кобзона, «Верасов» и легендарных «Песняров» (Иванов признаётся, что знал весь репертуар коллектива), этот список пополняется до сих пор. С белорусскими артистами у композитора особенные отношения, хотя бы потому, что его «Олесю» знает каждый, и её абсолютно справедливо называют лучшим произведением Иванова. Тесная дружба с Беларусью у композитора связана ещё и с тем, что в начале 90-х он совместно с поэтом Львом Ошаниным провёл более 20 концертов в белорусских областях, пострадавших в результате аварии в Чернобыле. Сейчас Иванов продолжает активную творческую деятельность, ездит на гастроли, является председателем оргкомитета фестиваля «Мы едины, мы — Россия».

6. Автор и исполнитель песен **Лариса ТРУХИНА** номинирована на премию за музыкальные проекты «Над землёй Беларуси», «Россия — песня моя», «Люблю тебя, Белая Русь». Лариса Трухина носит звание народной артистки России. Родилась на Алтае, но выросла в Калинковичском районе Беларуси. Поэтому творчество артистки тесно связано с двумя её родинами. Практически сразу после получения диплома Московского института имени Гнесиных Трухина начала записываться на радио и телевидении, например, в «Новогоднем огоньке» и «Играй, гармонь». Артистка стала лауреатом нескольких престижных конкурсов, выступала в Нидерландах и Австралии. На телевидении вышло 4 киноленты об артистке, кроме этого, она сама снималась в фильмах как актриса. Главное в её жизни — музыка: выступала на иностранных телеканалах, на встрече президентов России и Америки в 1994 году, пела в Кремле.

Секрет незаменимости Ларисы Трухиной в исполнительской манере и индивидуальности певицы, служащей народному творчеству. Она отдаёт дань уважения традициям великих российских певиц, таких как Лидия Русланова и Мария Мордасова. В её исполнительский репертуар вошли песни разных регионов России (сибирские, волжские, кубанские) и народов мира. Например, среди произведений, которые исполняет Трухина, немало песен на белорусском языке, они вошли и в двуязычный альбом «Беларусь — Россия». Лариса Трухина — автор стихов к Гимну Союзного государства «Беларусь, Россия — Земля наша родная...».

7. В список номинантов-музыкантов вошли дирижёр Государственной академической симфонической капеллы России, народный артист России **Валерий ПОЛЯНСКИЙ** и генеральный директор Государственной академической симфонической капеллы России **Александр ШАНИН** за концертные программы симфонической капеллы России на фестивале духовной музыки «Магутны Божа» в Могилёве. На концертах капелла, хор и оркестр исполняли произведения Чайковского, Верди, Россини, Моцарта, Яськова и других композиторов. Стоит отметить, что роль Валерия Полянского и Александра Шанина здесь действительно важная: один создал капеллу, а второй сделал её брендом России.

Валерий Полянский ещё в студенческие годы создал камерный хор, который преобразовался в дальнейшем в Государственный камерный хор СССР, а затем объединился с Государственным симфоническим оркестром Министерства культуры СССР. Именно этот коллектив сейчас называется капеллой России, которой Полянский руководит с основания. Коллективу удалось выступить в Японии, Германии, Великобритании, США, частый гость она в Беларуси. Организовав концерты в Беларуси, за которые коллектив номинирован на премию, Александр Шанин (кстати, родился в Витебской области), занимается творческой координацией капеллы. Его называют высокопрофессиональным менеджером, сформировавшим собственную репертуарную политику, основанную на сохранении культурного наследия России. Коллектив провёл более 400 концертов за 8 лет.

В литературе нет старших и младших — только братья и сёстры.

Они же — соперники

В этом убеждён известный писатель, директор старейшего российского издательства «Художественная литература» Георгий Пряхин. Писательское ремесло и писательское мастерство, комфорт и дискомфорт литературных реалий, особенности и общность литературного процесса в Беларуси и России… Этот спектр проблем, который, как правило, интересен и писателям, и читателям, определил направление нашей беседы.

Фото Константина Дробова.

— Георгий Владимирович, как, на Ваш взгляд, повлияло создание Союзного государства на общество и литературу наших стран? Стали ли мы больше интересоваться друг другом, в том числе посредством книг и литературных изданий?

— Несомненно. Традиционные связи между нашими народами и литературами стали, если можно так выразиться, освящёнными и официальными высокими договорённостями. Даже если судить по книжным выставкам, стенды Беларуси в России и наоборот стали намного многолюдней. Лично я с большим интересом воспринял спецвыпуск «Роман-Газеты», посвящённый белорусской литературе. Надеюсь, что это только первая ласточка.

— О братстве народов Беларуси и России говорят с самых высоких трибун. Насколько глубоко ощущается это братство в литературном процессе? Можно ли вести речь о развитии общего литературного процесса, говорить об общем книжном рынке?

— Литературный процесс вообще-то всеобъемлющ. В похожести стилей, в заимствовании приёмов упрекали и упрекают даже писателей из разных стран, которые не знали друг друга, не читали книг друг друга, но жили в одно время. Это — объективный процесс. В настоящее время, мне кажется, серьёзная литература стала больше опираться на документ и на документальность как таковую. Свою роль здесь сыграли и Владимир Богомолов, и Василь Быков, и Светлана Алексиевич. Писатели наших стран, как и литература в целом, ищут новые пути пробиться к читателю и просто — к человеческому сознанию. Используемые ими приёмы сходны, особенно если учесть и общую атмосферу, довлеющую сейчас над миром, и особенности наших славянских языков — описательность, однозначная идеализация женских образов, склонность к самобичеванию и т.д. Белорусская литература, несомненно, испытывает и влияние прибалтийских соседей, а также Польши: в ней появляется определённая жёсткость и мучительные поиски самоидентификации.

— Каковы реальные возможности у начинающего российского литератора заявить о себе в литературе сообразно своему таланту? Труден ли путь от журнала до книги? Велики ли шансы у белорусского писателя быть изданным в России? Издаваемый сегодня писатель — это обязательно хороший писатель?

— Издаться можно. Хотя это зачастую требует определённых затрат, на которые сам молодой писатель чаще всего не готов, а имущих друзей у него как правило в обрез. Другое дело — стать известным. Для этого надо написать либо что-то очень скандальное, наподобие произведения одной ныне очень знаменитой (в том числе и печально) юной уроженки города Бобруйска, либо вложить немалый ресурс в так называемую раскрутку. Боюсь, что даже Николай Рубцов не взошёл бы сейчас такой стремительной звездой, как в шестидесятые — семидесятые. Но писать надо: помните — «плавать по морю необходимо…». Талантливое слово всё равно прорастёт, не пропадёт втуне — не сегодня, так завтра. Главное — чтобы оно было талантливым. А вот это уже куда большая редкость, чем даже деньги. У «Худлита», особенно после издания литературного наследия А. В. Жиркевича, устанавливаются хорошие связи с Постоянным комитетом Союзного государства. Я думаю, что это может помочь и в издании в России молодых писателей из Беларуси.

Хорошие писатели всегда издавались редко, а сегодня — ещё реже.

— Много ли литературных премий существует в России? Какова степень их влиятельности в обществе? Возрастает ли рейтинг популярности самого обладателя? Если ли возможность у белорусских литераторов претендовать на российские премии?

— Я не большой специалист по премиям, да и сам не избалован ими. Но, насколько знаю, их сейчас действительно немало. «Букер», «Ясная поляна», «Бунинская»... Под эти премии увеличиваются тиражи лауреатов. О них говорят. Они несомненно сказываются на реноме писателя, на его вхожесть в издательства. Но… мой друг Вацлав Михальский както заметил, что список «обойдённых» номинантов на Нобелевскую премию куда весомее, чем список её счастливых обладателей. Ни Пруст, ни Джойс, ни Толстой… Я думаю, что именно сейчас, когда Беларусь стала едва ли не самым надёжным другом России, у её писателей есть все основания претендовать на российские премии.

— Российский писатель — богатый писатель? Можно ли быть обеспеченным человеком, занимаясь исключительно литературой?

— В моём кругу есть несколько очень талантливых писателей, но ни одного богатого. Господь справедлив. Он никогда не даёт одному человеку в обе руки. Либо то, либо другое. Либо дар, либо «дар бесценный»… Исключения встречаются, но они только подтверждают правила. Да и разве богатство той же Джоан Роулинг сопоставимо с состояниями некоторых наших заурядных «нефтедобытчиков»?

— Издательство «Художественная литература» с советских времён было самым избирательным в выборе авторов для издания. В те времена и белорусские писатели были в этой обойме. А сегодня?

— Конечно, издательская программа «Худлита» по сравнению с советскими временами (т.е. до возникновения электронной книги, социальных сетей и т.д.) сократилась в целом, но Беларусь в нашем спектре присутствует. Можно сказать и о нескольких томах из серии «Классики литератур СНГ», в том числе один фолиант на двух языках, русском и английском. Можно назвать и уже упоминавшийся мною замечательный том литературного наследства известного просветителя и общественного деятеля А. В. Жиркевича.

В наших планах есть и издание белорусской классики, и трёхтомника современной белорусской прозы и поэзии. В данном случае мы рассчитываем на сотрудничество с нашими белорусскими партнёрами и коллегами.

— Писатель с Вашим именем был и остаётся известным для читателя, знакомого с хорошей литературой, на всём постсоветском пространстве. О чём, на ваш взгляд, сегодня необходимо говорить с читателями наших стран?

— В своё время писатели СССР отдали значительную дань теме самоидентификации народов, входивших в Советский Союз. Иногда даже с чрезмерным пафосом, особенно в публицистике, в какой-то степени они тоже подготовили почву для новейшего «самоопределения» наций. Сейчас, мне кажется, надо делать упор не на наших, пусть и естественных, различиях, а больше — на том, что нас соединяет. Впрочем, это касается не только постсоветского мира, а мира в целом. Слишком уж взрывоопасно наше время, чтобы добавлять в него ещё беллетристического пороха.

— Есть ли молодые писатели, которых Вы можете назвать своими преемниками в литературе? Чем особенна молодая литература?

— Того же состоявшегося Юрия Козлова или очень незаурядного поэта Валерия Дударева, которых издавала «Художественная литература», конечно не назвать молодыми. Но, если взять прозаиков Елену Грозовскую, Александра Аннина и некоторых других, значительно моложе меня, то это очень серьёзные и очень перспективные перья. Их конёк — жёсткая реалистичность, памятливость и сдержанное своеобразие слова. Не думаю, что им польстит звание моих «преемников». Каждый серьёзный писатель идёт своим крестным путём. Падает, поднимается, оскальзывается и всё-таки — идёт. В добрый час!

Вопросы задавала
Инесса ПЕТРУСЕВИЧ

Книжная полка

«Франциск Скорина — человек мира»

Издательство «Белорусская энциклопедия имени Петруся Бровки» представило трёхтомник, посвящённый личности просветителя Франциска Скорины. Автор — Алесь Суша — давно исследует феномен восточнославянского первопечатника Скорины. Его называют человеком-энциклопедией, человеком-легендой, он был переводчиком, писателем, философом, врачом, оказал влияние не только на родную Беларусь, но и на соседние страны. Об этом повествует книга «Франциск Скорина — человек мира». Своеобразная «персональная энциклопедия» Скорины была издана специально к важной для белорусов дате — 500-летию белорусского книгопечатания, которое отметили в 2017 году. Важное издание поддержал Постоянный комитет Союзного государства.

«Симеон Полоцкий. Орёл Российский»

Текст паэмы просветителя Симеона Полоцкого не только издан, но и глубоко проанализирован, подкреплён научным комментарием, исследовательскими статьями, о чём позаботилась доктор филологических наук Лидия Сазонова. Книга представляет собой настоящий памятник поэтической и книжной культуры XVII века, известного в истории формированием идеологии и символики российской государственности. Симеон Полоцкий, будучи придворным поэтом, и написал свою поэму в честь объявления наследником российского престола царевича Алексея Алексеевича. Этот поэт может быть интересен как новатор, принесший в русскую литературу новые формы и идеи. «Орёл российский» — важный памятник культуры, поэтому Союзное государство поддержало выпуск книги.

«Блокадная книга»

Издание, важное для белорусов и россиян одновременно. Хроника блокады Ленинграда, написанная в соавторстве белорусским писателем Алесем Адамовичем и российским Даниилом Граниным. Основанная на интервью с очевидцами, документах, письмах, она рассказывает о личных драмах и трагедии целого города, который остался непокорённым и сохранил огонёк жизни на маленьком клочке земли, осаждённом врагами. Та история, интерес к которой остаётся и сохраняется поколениями, поэтому «Блокадная книга» несколько лет назад пришла к читателю XXI века, на российский рынок. Разговор о жизни в осаждённом фашистами Ленинграде, о героизме и страданиях, о мужестве, о любви и ненависти. О том, что смерть побеждена, и пока о жертвах помнят, торжествует бессмертие.

«Встречи с родным и близким»

Книга, которая говорит о судьбах белорусов и россиян, вышла в Издательском доме «Звязда». Издание помогал создавать редакционный совет, куда вошли представители Беларуси и России. Речь в книге идёт о людях, которые не только внесли вклад в развитие стран, но и стали действительно «родными и близкими». Авторы Адам Мальдис, Алесь Мартинович и Алесь Карлюкевич рассказали об «Адресах Беларуси в мире»: в книге есть интервью с калмыцким литературоведом Риммой Ханиновой, татарским поэтом Робертом Миннулиным, редактором чеченского журнала Лула Куни. Конечно, в издании нашлось место и для белорусских деятелей в России: авторы рассказали об Иване Бурсове, Валентине Щедриной, Георгии Марчуке и других важных личностях.

«Одна семья»

Имя татарского поэта Роберта Миннулина знакомо почитателям лирики не только в России, но и за рубежом. Особенно в Беларуси, где выпустили книгу переводов его стихотворений для юного читателя (переводила произведения молодая поэтесса Яна Явич). Критики ещё в начале творческого пути окрестили Миннулина «детским поэтом», хоть он писал и произведения для взрослой аудитории, но работа главным редактором газеты для детей и школьников сделала своё дело — в полной степени потенциал Миннулина-поэта раскрывается именно в творчестве для детей, с чем литератор охотно соглашается сам.

Адам АХМАТУКАЕЎ (г. Грозны)

***

Штось сумная песня выходзіць
І думак нічым не злагодзіць,
Што сэрца крыжуюць без жалю,
Калі я сюды прыязджаю.

Прайдуся па вулках-дарогах —
Сваіх не спаткаю нікога.
І дзе мае яблыні, вішні?..
Сягоння я ў горадзе — лішні.

Здаецца, не гэткі ўжо вечар
І досвіткаў лепшых не стрэчу
За тыя, што ў сэрца запалі,
Спакой назаўсёды забралі.

Я тут быў шчаслівы, патрэбны,
А шчасце — бы птах той паднебны.
Было — і кудысь за аблокі…
Ды ў памяці — водсвет далёкі.

***

Сняжынкі ў танцы
кружаць за акном,
Бялюткай казкай
ахінаюць памяць,
Трывожаць сны, забытыя суздром,
Пра нашых дзён
спакуслівую замець.

Агмень кахання — ён даўно патух,
Былы ўспамін
маё трывожыць сэрца.
Ад нашых мрой
застаўся снежны пух,
І казкаю зімовай не сагрэцца.

Ды зноў сняжынкі танчаць за акном,
Танюткі стан
і воблік твой малююць.
А хутка ўсё
кароткім стане сном,
Бо пачуцця
сняжынкі не ўратуюць.

Нам не хадзіць сярод вясновых дрэў…
І што шукаць ад развітання лекі?!
Табою я даўно перагарэў.
Мой боль прыціх. І, можа быць, навекі.

***

Буду слухаць. А ты гавары.
Не спяшай, хоць жыццё ўсё бяжыць.
Мабыць, лёс нам ізноў падарыў
Гэты міг, каб пражыць-перажыць.

Мне вядомая споведзь твая,
Што спавіта чужою віной.
Дык чаму так хвалююся я
Ад таго, што ты побач са мной.

Твой пагляд я гады ўспамінаў,
Хоць і ў іншыя вочы глядзеў.
Па табе я заўжды сумаваў
І нікуды свой сум не падзеў.

Дзякуй Богу, мы побач ізноў.
Не каханкі, ды ўсё-ткі сябры.
Сэрца поўніцца казкаю сноў…
Буду слухаць. А ты гавары.

***

Я знакам любоўным
Пазначу прастору між намі,
Узважыўшы ўсё,
Ацаню і сваю матэматыку.
Таемным паглядам
Цябе сузіраючы млява,
Муле прапаную
Трывалага шлюбу граматыку.

Пераклад з рускай
Міколы ШАБОВІЧА

Валерый ТУРГАЙ (г. Чэбаксары)

***

Сягоння адпачыцьме леў стары.
Сягоння леў стары адпачывае…
Ён паляваў учора. Чулі рык?
Назаўтра ён світанак прывітае.

Пакіньце. Хай сягоння адпачне.
Хіба не мае права на палёгку?
Ён прыгадае, што было даўней,
І золак свой пабачыць хоць здалёку.

Ён бег хутчэй за іншых, меў і спрыт,
І дзёрзкасць, і адвагу, і надзею…
І не было нікога, хто б скарыў,
Мацнейшы за яго ці быў хто? Дзе там!

Зямля дрыжала, калі ён ступаў.
О, незабыўны покліч маладосці!
Мінуў той час, а што чакае там:
Ці прыме стэп яго старыя косці?

Ён паляваў учора, да пары
Сягоння кіпцюры ён прыхавае.
Хай адпачне стамлёны леў стары.
Няхай сягоння леў стары адпачывае…

З чувашскай.
Пераклад Таццяны СІВЕЦ

***

Кажуць: нястомнае сэрца
І не адпачывае душа.
І раяць: у дабро верце,
Верце, калі нават боль і жах.

Кажуць: мы тут толькі госці,
Што пакінулі свой родны дом.
Што тут складзем свае косці.
А за што? За жыццё пад крыжом?

Бясплатна ўсё дае неба,
Як не адзін, падможа гурма
Мець кус надзённага хлеба.
Што ж нам спакою тады няма?

Б'ёмся тут за жыццё на смерць.
За Святло Сонца? За Новы Дзень?
Прагнем цяпло роднае мець,
Таму распальваем свой агмень.

Раяць: у дабро верце,
Верце, калі нават боль і жах.
Кажуць: нястомнае сэрца,
І не адпачывае душа…

З чувашскай.
Пераклад Людмілы ХЕЙДАРАВАЙ

***

У адным імгненні — тысячы імгненняў.
У адзінай кроплі — сотні тысяч кропель.
Я гэтага не разумеў калісьці,
Дык, можа, сёння лепей зразумею.

Ці толькі ў маладосці ўсё так проста,
Калі ты з лёгкасцю падманваеш сябе?
Як пралятуць гады, ці зразумееш,
Што ўсё тваё жыццё — адно імгненне?

Аднак у светлым тым адным імгненні
Зліліся тысячы імгненняў іншых.
І я ўсвядоміў, што жыццё быць можа
Адначасова простым і складаным!

З чувашскай.
Пераклад Паўла АСТРАВУХА

Міясат МУСЛІМАВА (г. Махачкала)

У Перадзелкіна

І ў лесе чароўным буду я жыць,
Вяршаліны дрэў дзе хмялеюць ад неба,
Лістоў непрытомнасць
акрайчыкам хлеба
Бязважка на верты паўночным ляжыць,
Дзе коса за вокнамі дрэвы лятуць,
Дзе гнанае лісце далоняў дажджамі,
Лістоўныя россыпы песні пяюць
І вохкае рэха ў журбе пад нагамі...

І ў лесе чароўным буду я жыць,
Дзе моўчкі драўлянага дома абдымкі
Страчаюць і дзён чорна-белыя здымкі
Кладуцца няўзнак у жыцця на мяжы,
Дзе цьмяныя шыбы крыжамі ўзраслі
І рэбры парканаў паточаны днямі,
Дзе шчодрасць далоняў аддана зямлі,
Каб росы палёў напіліся дажджамі..

І ў лесе чароўным буду я жыць,
І стогнам бяроз патанаць у барвовым,
На ветры дрыжаць і маліцца нанова
Яму, каб вярнуў адабранае Слова
І горыч яго, нібы росы сцюдзёныя —
піць...

З Каменнага трыпціха

З чаборам тут хлеб не пякуць і дым
не гарчыць над сялом,
Урбінскія жонкі збаны ля крыніцы
не ўздымуць на плечы.
У пахкія травы каровы не лягуць
шурпатым цяплом,
Не стрэне спакоем змяркальным
чародаў авечых
І роднымі лакскімі спевамі
чэрвеньскі вечар.

Быў хтосьці тут?

Астывае пяшчота ў старэчай руцэ нібы
камень, што ўрос угару,
Пацалунак астыў на губах, запарушаны
пылам, употай.
І ці ўсцешыцца неба запозненым
словам «даруй»,
Як маўчанне святой Вацілу
перапоўніць маркота
І на твар ляжа шнарам адчай гэтых
дзён і гаркота?..

Будзе хто тут?

Пераклад з рускай
Яны БУДОВІЧ

Юрый ШЧАРБАКОЎ (г. Астрахань)

***

Сэнс жыцця… Адзінае пытанне,
На якое лёс не даў адказ,
У словах просіць ён абгрунтавання:
Ці з табою у суладдзі час?

Калі хочаш праведнікаў цені
Узняць на суд, паклікаць іх на бой,
Патушы пякельныя сумненні:
А ці памяць згодная з табой?

Зерне сораму не дасць пачатку —
Вецер расцярушыць у журбе.
Што адкажаш ты сваім нашчадкам:
Як сумленню вытрымаць цябе?

Хіба светлых мараў не парушыў,
Не сышлі прывідамі апоўнач?
Зазірнуць каханай варта ў душу:
Ці шчаслівая жанчына побач?

Памяць, час, сумленне і каханне
Сведкі нам і суддзі — без прыўкрас.
Каб праз іх спазнаць наканаванне:
Ці Радзіме добра жыць пры нас?

***

Чалавек, што меў на ўсё прычыну,
Разважаў, як увайшло у звычай:
«А ў вас прыгожыя мясціны!»
Толькі падалося мне:
«Здабыча».

Добры чалавек, прыходзь і ты
Госцем на ўскраінны абшар.
Адказаў ён: «Госцем? Назаўжды!»
Толькі падалося:
«Гаспадар».

Падарунак знойдзем па нутру.
Запаветы продкаў не парушу!
Адказаў ён: «Хіба што ікру!»
Ну а я пачуў:
«…А можа, душу?»

***

Цесна магілам
На новым пагосце,
Але ніводзін
Не крыўдзіцца цень —
Сёння на могілках
Госці ды госці.
Красная горка.
Бацькоў нашых дзень.

А калі хтосьці
Ляжыць без паміну,
Вецер трывожыць
Чарот спакваля.
Ён прыгадае
Людскую часіну.
Рудая гліна.
Радзімы зямля.

Пераклад з рускай
Ларысы ЦІМОШЫК

Зульфія ХАНАНАВА (г. Уфа)

АЧАГ[1]

(урывак з паэмы)

У мітусні, у клопаце аб хаце,
Вазоны стаўлю на палічкі, дол,
Ва ўборы новым вогненна-стракатым
Кладу абрус на свой гасцінны стол.

Аднак жа, дом — як быццам непрыбраны,
І справа не ў гультайстве, пэўна, не...
Падлогу мыю зноўку апантана,
Фіранку, вунь, змяніла на акне.

Рыхтую суп заўзята і старанна,
І хлеб ужо румяніцца ў пячы...
Ды ведаю, што клопат гэткі марны —
Няма святла і радасці ні ў чым.

Парадак — пільны, гэткі ці ж патрэбны?
Сваіх трывог ніяк не спаталю...
Утульнасць хаты — не ў багацці мэблі,
Не ў дываны і люстраў крышталю.

Так, забяспечанасць...
Ці ёй зайздросціць?!
Багаццю назапашанаму мной?
Уваччу маім бясконцыя згрызоты
І гора-горачка ў галовачцы маёй.

Таму я зноў у клопаце пра хату,
У спробе, як пазбавіцца тугі?
З душою цела не знаходзіць зладу,
Раскоша стала горачкам ліхім.

Нібыта ўшчэнт разбітае люстэрка,
Мой лёс раструшчаны, самоціцца душа.
Святла часцінка, што сагрэла б сцены, —
Не люстра ў крышталі,
не дываноў мяжа.

Святла часцінка, што жытло сагрэла б, —
Яна ў душы выспельвае агнём.
Не наракаю, не стагну — сцярпела б,
Ды стане свет пякельняй белым днём.

А толькі-толькі вось ва ўсім Сусвеце
Найшчаслівейшай я была за ўсіх.
У вачах каханага цвілі суквецці,
На вуснах — асалода пекнаты.

Найшчаслівейшая жанчына ў свеце...
А сёння — як асмалены ачаг.
Душу прасуе непрыветны вецер,
Абдымкі мілага — да апраметнай шлях.

Адзіны мой! К табе я крыўду маю!
Прашу, прачуй мой горыч і адчай!
Я ў дом найперш не люстру набываю —
Калыску новую паставіла б спярша!

А на калыску, у пялюшках белых, —
Кахання кветку я паклала б.
І ў спачын
адпрэчыла б пакуты.
І зрадзела б,
Найшчаслівейшай стала б між жанчын.

Найлепшай мэбляй, што жытло
расквеціць,
З'яўляецца калыска, знаеш ты...
Аднак чамусь наноў чапляеш люстру
І зноў смяешся ўсмешкай пекнаты?

Дык смейся ж ты з бяздушнае істоты!
Няма ўва мне запалу, ён ачах.
У доме, дзе няма калыскі, хто ты?!
Хто я ў тым доме?!
Ёсць у ім ачаг?..

З башкірскай.

Пераклад Марыі КОБЕЦ.

[1] *Тут: сямейны ачаг*

Алена ТУЛУШАВА

На апошнім

Апавяданне

Дыван даўно б выкінуць... Колькі разоў бабулі казаў... Ды цяпер ужо няхай сама вырашае. Яны, безумоўна, будуць рады яго навіне. Бабуля столькі гадоў спала на кухні, а цяпер нарэшце зможа спакойна ўздыхнуць. Толькі чаму ж так сумна?

Яму хацелася прайсціся па пакоі, як у амерыканскіх фільмах, калі герой развітваецца з домам, паволі ідзе па пустых калідорах, дакранаючыся да знаёмых сцен... Але ўвесь праход паміж ягонай раскладзенай канапай, грувасткім пісьмовым сталом і шыфаньерам пераадольваўся за тры няўклюдныя крокі.

Канапа... Некалі вельмі дарагая, чэшская, якая пахла навізной, што дасталася дзядулі нейкімі неймавернымі намаганнямі. Цяпер з выцертай чырвонай аксамітавай абіўкай і паралонам, што выпаўзае з усіх шчылін, ён здзіўляе сваёй унікальнасцю. Мікіта цвёрда вырашыў, што ўгаворыць Насцю купіць ложак. Няважна, што кватэру будуць здымаць. Пра ложак ён марыў заўсёды: усё жыццё спаў з адчуваннем, быццам гэта часовае месца. Гэты рытуал — кожны вечар раскладваць і раніцай зноў складваць канапу — нагадваў паездку ў цягніку: скруціць матрац, здаць бялізну... Напэўна, як і ва ўсіх дзяцей, у яго некалі быў маленькі ложак. Але колькі ён сябе памятаў, гэтая канапа была нязменная і такая нерухомая, што здавалася, быццам урасла ў пакой, з часам нават перастала складвацца.

Ён угаворыць Насцю, хоць яны ўжо і паспрачаліся з-за ложка. У яе ж мноства ідэй, як запоўніць прастору, стварыць «утульнасць». А яму трэба так мала. Ёй давядзецца ўступіць. Цяпер ён будзе вырашаць. Так павінна быць. Ён мужчына.

Мікіта заўважыў, што стукае пальцамі па запыленай каробцы. Камп'ютар... За чатыры месяцы ён так і не знайшоў час, каб падключыць айчыму ноўтбук. А той жа пару разоў пытаўся, а потым, мабыць, засаромеўся.

Стала сорамна і зусім тужліва. Ён успомніў, як яны ездзілі ў магазін. Мама, вядома, таксама паехала, такія пакупкі яны выбіралі заўсёды разам, рыхтуючыся і абмяркоўваючы ўсё ўжо за тыдзень, а то і за два. Мікіта адчуваў на сабе адпаведныя пагляды прадаўцоў і злаваўся, калі малады фанабэрысты хлопец дэманстратыўна ігнараваў дзіўнаватую пару і звяртаўся з прапановамі толькі да Мікіты. А маці з айчымам, як дзеці, падыходзілі да кожнай мадэлі, краталі, чыталі ўголас апісанні і рэкламныя брашуры. Ім было важна выбраць самім. І Мікіта моўчкі чакаў, не адказваючы прадаўцу.

Калісьці ён саромеўся хадзіць з мамай у магазін: саромеўся яе балбатні, наіўных пытанняў, прывычкі размаўляць з незнаёмымі. Прадаўшчыцы звычайна былі ветлівыя, але, яму здавалася, ілжывыя. Маці не разумела дзіцячай сарамлівасці, але на дапамогу часта прыходзіла бабуля: яна знаходзіла маме справу дома, а ў магазін з унукам хадзіла сама.

А потым з'явіўся айчым. Калі казаць больш дакладна, ён быў проста Славік. Смешны, сарамлівы, крыху заікасты. Пазнаёміліся яны з мамай у сацыяльным цэнтры на занятках. У іх аказаліся аднолькавыя дыягназы, і яны шчыра гэтаму радаваліся, быццам не зніжаны інтэлект, а асаблівы свет звязвае іх.

Мікіта помніў, як Славік прыходзіў у госці і ўсё гаварыў, гаварыў, больш чым мама, але пры гэтым пастаянна чырванеў. Мікіце было гадоў трынаццаць, жыццё кіпела, і ён не заўважаў, як Славік стаў частым госцем, балбатаў нейкае глупства пра вяселле. У «дзіцячы» Славік не заходзіў, часам падоўгу таптаўся ў парозе. А Мікіта забаўляўся, ведаючы, што той чакае, каб яго аклікнулі, а не, дык так і будзе стаяць, хоць паўдня.

Аднойчы вечарам Мікіта зайшоў у пад'езд і пачуў шолах пад лесвіцай. Звычайная справа: там часта збіраліся хлопцы і курылі сямейныя мужчыны. Ён пачаў ужо падыходзіць да ліфта, але пачуў нешта знаёмае ў шэпце. Мікіта рэзка павярнуўся і заўважыў маміна паліто.

— Ты чаго тут?! — крыкнуў ён.

— Прывітанне, Мікіта! — маці па-дабраму ўсміхнулася, зрабіўшы крок да лесвіцы. Толькі цяпер ён убачыў у яе руках ружу ў танным цэлафане. — А мы тут са Славікам балбочам, — за мамінай спінай перамінаўся з нагі на нагу Славік. Твару не было бачна, але Мікіта і так мог уявіць яго звычайны выраз няёмкасці.

— Зусім здурнелі?! — Мікіта і сам здрыгануўся ад свайго крыку. Абурэнне, гнеў, сорам — усё злілося ў адно. — Кухні вам не хапае?! На ўвесь дом зняславіцца хочаце! — перад вачыма замільгацелі малюнкі, як суседзі, падымаючыся да ліфта, ветліва адводзілі вочы, як маці па звычцы з кожным пачынала гаварыць. Уявілася, напэўна, надумана, як усе з іх смяяліся, распускалі плёткі і шапталіся. Яму стала сорамна, і сорам гэты нельга было трываць, і ён упершыню закрычаў на маці, не думаючы, што нехта можа выйсці ў пад'езд. А яны стаялі разгубленыя, пасаромленыя, нічога не разумелі. Потым ён схапіў маму пад руку і павалок да ліфта, крыкнуў Славіку, каб ішоў адсюль, пакуль жывы. Той так і замёр унізе, палахліва прыціскаючы маміну сумку.

Мікіта не помніў, што ён крычаў маці, не помніў, што спрабаваў пракрычаць бабулі. Ён знарок гучна ляпаў дзвярыма ў кватэры, нешта рваў, выкідваў у акно, потым са злосцю марна спрабаваў прыляпіць самаробны кручок, каб зачыніцца ў пакоі, хоць да яго і так ніхто не заходзіў. Ён прачнуўся пасля паўночы. Заглянуў у спальню — бабуля спала. У пакоі пахла валяр'янкай. З ванны чулася, як цурчыць вада. Ён адчыніў дзверы. Там была мама. Яна сядзела на краі ванны і плакала... Яго мама праставатая («Ужо лепш маўчала б», — здаралася, злаваўся Мікіта), але ўсмешлівая і светлая, ніколі не плакала. Або проста ён ніколі не бачыў... Што б ні адбывалася, яна не сумавала: усміхалася ўзнёсла або задумліва, спачувальна або з жалем, але ўсміхалася.

Ён разгубіўся, не ведаючы, што рабіць. А мама сціскала ў пальцах зламаную і прывялую ружу і плакала.

Нават цяпер, успамінаючы гэтую сцэну, яму было ўсё так жа горка. І быццам потым усё наладзілася, з часам ён прывык да Славіка, ніхто не ўспамінаў тую ўспышку лютасці... Але да горла часам падкотвала тое агіднае адчуванне. Вось і цяпер ён недарэчы ўспомніў гэты выпадак, хоць і так было непрыемна. Ён ведаў, як бацькам хацелася мець свой ноўтбук, як ім важна было «не адстаць ад прагрэсу»... Цяпер абавязкова трэба паспець падключыць. Толькі ж як выкраіць час. Пераезд, праца, Насця... Але без яе, вядома, не справіцца.

— Мікіта! — у дзверы пастукалі.

— Так, бабуль, што?

— Мікітушка, абед падрыхтаваны. Ты паясі або пачакаеш маму? Яна вось-вось павінна прыйсці, — бабуля прыадчыніла дзверы. — А ты чаму такі? У цябе ўсё добра? Бледны нейкі — не захварэў? — Яна дакранулася да яго ілба. — Быццам халаднаваты. Працуеш шмат, зусім зялёны стаў.

— Ды не, усё нармальна, ба. Я пачакаю, разам паядзім, — Яму хацелася адцягнуць размову, яшчэ нейкі час не чуць іх пытанняў, не бачыць іх твараў. — Смецце ёсць? Выйду, падыхаю.

Мікіта выйшаў на лесвічную пляцоўку. На здзіўленне — чыста.

Толькі павуцінкі ля столі, што засталіся з лета. Апошні дзявяты паверх, чужыя сюды не забіраліся. Ён агледзеў знаёмыя сцены, парэнчы, на якіх сам гадоў дзесяць таму надрэзаў «Цой жывы». Ён тады і не ведаў, хто гэта. Проста бачыў паўсюль надпіс і паўтараў.

Колькі часу ён бавіў тут, не жадаючы адразу вяртацца дадому, калі нёс са школы чарговую двойку або вестку аб тым, што знікла яго зменная вопратка, калі хаваў у партфель трафейны арбалет, які сумленна выйграў, які потым бабулька прымусіла вярнуць. Ён стаяў і па дзіцячай звычцы калупаў чаравікам скол пліткі каля прыступкі. Каля суседняй 143-й кватэры ўзор пачварных карычневых квадрацікаў збіўся. Мабыць, не хапіла каляровай пліткі, і ўсё заляпілі белай. У дзяцінстве ён быў упэўнены, што пад гэтым белым кавалкам знаходзіцца лаз. Сапраўдны, сакрэтны. Толькі трэба стаць на чужое месца, каб адчыніўся. Ён усміхнуўся, успамінаючы, як спрабаваў «націснуць правай нагой на свой дыванок, а левай — на суседскі — гэта і была тайная схема. Потым бабулька-суседка скардзілася яго бабулі: «Мікіта аб мой дыванок ногі выцірае, каб ваш не пэцкаць». А ён стаяў, уціскаючы падбародак у грудзі, гатовы ўзяць на сябе любую адказнасць, але не выдаць тайну аб патаемным лазе. Ды і адгаворвацца сэнсу не было — на квяцістым дыванку развальваліся фігурныя кавалачкі сакавіцкага бруду з яго чаравікаў.

Ліфт падымаўся, набліжаліся знаёмыя галасы. Праз пару хвілін дзверы адчыніліся.

— Мікіта, прывітанне! А ты чаго так рана? — Мама пацалавала яго ў шчаку.

— П-п-прывітанне, Мі-і-кіта, — айчым працягнуў чырвоную ад холаду далонь.

— Прывітанне. Ды пагаварыць хацеў. Мы з Настай збіраемся разам жыць. — Ён выпаліў гэта так хутка, што сам не зразумеў, як прагаварыўся. Але ў той жа момант стала на здзіўленне лёгка, як у дзяцінстве, калі прыходзіў з кепскімі навінамі, а дома сядзелі госці, і нікто ўжо не мог сварыцца.

— Вось гэта навіна! — мама засвяцілася. — Цудоўна, Насцечка гэтакая добрая!

— Він-шу-ую! — Славік зноў працягнуў руку.

— Але дзякуй, пакуль няма з чым асабліва, — Мікіта сумеўся ад таго, як яны зрэагавалі, і пашкадаваў, што так доўга марудзіў з навіной.

— А бабулі казаў? — мама званіла ў дзверы, не адрываючы вачэй, глядзела на Мікіту і ўсміхалася.

— Не паспеў яшчэ, вас чакаў.

Бабуля адчыніла, яны зайшлі ў калідор.

— Мама, Мікіта наш жэніцца! — выпаліла маці.

— Гэтага я, між іншым, не казаў, — Мікіта ўсміхнуўся мамінай шчырасці.

— Справа зразумелая! — мама падміргнула яму. — Насця да нас пераязджае, будзем усе разам!

Павісла маўчанне. Бабуля здзіўлена паглядзела на Мікіту, які разгубіўся ад маміных слоў. Славік стаяў каля дзвярэй, не асмельваючыся прайсці далей, пакуль усе стаялі ў праходзе.

— Гэта праўда, Мікітушка? — бабуля прыціснула рукі і расплылася ва ўсмешцы. — Ты мой дарагі! А я гляджу: чаму такі з самай раніцы? Што ж не сказаў? Думаў, што родная бабуля не зразумее? Ды мы ўсе любім Насцю! Даўно б так. А то жыве з сяброўкай на кватэры, якую здымае, і ёй жыцця няма, і ты, бедачына, выдыхся туды вечарамі ездзіць. А тут і дом, і ўсе свае, і на ўсім гатовым.

Мікіта стаяў, не ведаючы, як лепш працягваць размову.

— Ды гэта яшчэ не вырашана. Можа, мы абедаць пойдзем? — яму было няёмка стаяць пад агульнымі паглядамі і ўсмешкамі, усведамляючы, што давядзецца іх расчараваць.

— Канечне, ідзём! — мама зняла паліто і пайшла мыць рукі. Славік падаўся наперад і пачаў старанна пыхцець над шнуркамі.

— Гэта яшчэ недакладна, бабуль. Сваё жыллё ўсё-ткі хочацца... Можа, мы адны...

— Канечне, сваё лепш. Гэта ж кватэра твая. І пакой у вас свой будзе. Мы маму са Славікам у «дзіцячы» пераселім, а вас — у спальню. Ложак купім або канапу раскладную. Хоць месца там шмат, навошта на канапе мучыцца.

— Ды я не ведаю, ба, — Мікіта зусім разгубіўся, ужо не разумеючы, дзе яго думкі, дзе — Насціны, дзе — бабуліны. — Можа, здымаць лепш...

— Чаму гэта лепш? Сам сказаў: сваё жыллё хочацца. Што Насця хоча?

— Быццам так, — яму зноў стала сорамна за тое, што маніць, але сказаць інакш не атрымлівалася. З іншага боку, гэта і праўда была Насціна ідэя. Як і цяпер з бабуляй, як і месяц таму ў размове з Насцяй, ён і не заўважыў, як прапанаваў ёй жыць разам. Яна нешта гаварыла пра каляровую спалучанасць у доме, як ён не зусім зразумела пажартаваў... І яна адразу ж расплакалася, што яму на яе наплявацъ і ён не любіць яе зусім, калі за два гады не прапанаваў жыць разам... Ні з таго, ні з сяго пачала плакаць. Ён і прапанаваў. Потым яны адразу памірыліся, і ён здзівіўся, чаму раней сам не дадумаўся, бо гэта так проста і лагічна — жыць разам са сваёй дзяўчынай. — Мы пакуль яшчэ не вырашылі, бабуля. Здымаць кватэру цяпер лёгка, можна знайсці нядорага і да работы бліжэй.

— Ох, нацягаліся мы з дзедам па казармах і чужых кватэрах! Ужо былі ў нас і пакой добры, і суседзі цудоўныя, і жылі дружна... Але нічога нельга параўнаць са сваім жыллём. Тут кожны кут твой. Цяпло захоўвае, успаміны, і ўсё тут так, як хочацца менавіта табе. А на кватэры, якую здымаеш, абдумвай кожны крок, нават сцены пахнуць нечым чужым, лішні раз цвік не прыб'еш — трэба пытацца дазволу. А гэта ж, Мікітушка, вельмі важна, калі можаш сам вырашаць. А што Насця хоча, дык ёй так і так далёка ад сваіх жыць. Але яна проста пакуль не разумее: трэба і згатаваць, і памыць, і папрасаваць, а яна сама працуе і вучыцца вечарам. Калі ўсё паспяваць будзеце? Вось і пачнецца ў вас лаянка. А тут яшчэ і кватэра здымная.

— Ну, гэта мы яшчэ не вырашылі. Мы пакуль абмяркоўваем...

— А што абмяркоўваць, калі тут твой дом. Усё-ткі мужчына павінен вырашаць, а ёй давядзецца часам і ўступаць. Так яна і ладзіцца — сям'я. — Бабуля прынесла маме ручнік. — Ну, пайшлі абедаць. Цяпер столькі ўсяго трэба абдумаць! Славік, што ты ўсё топчашся ў дзвярах, распранаўся, дык ідзі за стол.

Славік няўклюдна праціснуўся за жанчынамі ў кухню. Мікіта няўважліва зачыніў уваходныя дзверы і агледзеўся. З яго пакоя выглядаў край канапы з пледам, звісаючы ўтульна. Ён спыніўся на парозе, спрабуючы зразумець, што цяпер рабіць...

Пераклад з рускай Уладзіміра САЛАМАХІ

Горький и Богданович: новые перспективы исследований

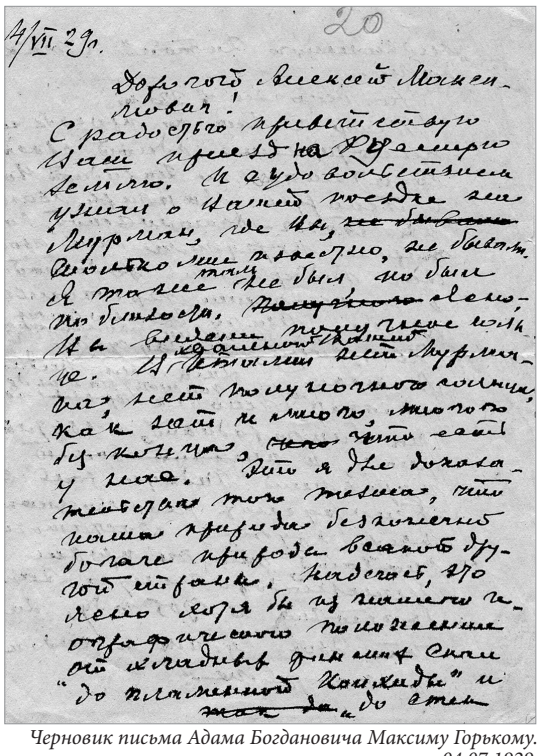
Имя Максима Горького включено в календарь памятных дат. В 2018 году всемирно известному русскому классику исполняется 150 лет. Недавно между Архивом А. М. Горького в Москве и Литературным музеем Максима Богдановича в Минске достигнута предварительная договорённость о передаче электронных копий комплекса документов, куда входит переписка Максима Горького и членов его семьи с Адамом Богдановичем, отцом классика белорусской литературы Максима Богдановича. Часть материалов, которые имеют отношение к истории и культуре Беларуси, хранится в архивах, научно-исследовательских институтах и фондах музеев других стран.

Трудно назвать другого классика минувшего столетия, имевшего столь же масштабную международную литературную славу и влияние, как Горький. Его творчество, сопоставимое с наследием таких колоссов, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский или А. П. Чехов, ознаменовало завершение классической традиции русской литературы века XIX и художественный поиск новых культурных форм и перспектив XX столетия. Но не только художественный талант — также гуманизм и человеколюбие делают личность Горького столь привлекательной в глазах соотечественников, зарубежных читателей и исследователей. В условиях Первой мировой войны и набиравшего силу на этом фоне национализма Горький утверждал идею многоэтничности — равноправия и самобытности национальных культур. В обстановке военных лет он осуществил подлинно гуманитарную культурную акцию, инициировав и частично опубликовав серии сборников национальных литератур — армянской, грузинской, еврейской, латвийской, литовской, украинской, финской, белорусской. В 1930-х годах он стоял у истоков «Сорбонны литературоведения» — Института мировой литературы, научно-исследовательского центра изучения истории русской и зарубежных литератур и фольклора и в первую очередь — литератур народов России. После смерти Горького в Институте мировой литературы Академии наук (ИМЛИ РАН) был создан архив для сохранения творческого наследия писателя. Ученые, исследователи, архивисты собрали всевозможные свидетельства о его жизни и документы о его творчестве. Сегодня Архив А. М. Горького — самый большой в мире личный писательский архив. Среди его материалов особое место занимает горьковский эпистолярий — деловая переписка, переписка с друзьями и коллегами, начинающими писателями, которую по праву можно назвать «энциклопедией русской и мировой жизни XX века».

В юбилейный для памяти писателя год Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН в Москве и Литературный музей Максима Богдановича в Минске при поддержке Постоянного комитета Союзного государства реализуют гуманитарный проект «Горький и Богдановичи». В рамках проекта предполагается передача институтом музею Максима Богдановича электронных копий документов — многостраничных писем. Один из их авторов — отец классика белорусской литературы Максима Богдановича, выдающийся деятель науки и культуры, писатель-мемуарист, ученый-этнограф, фольклорист Адам Богданович (1862—1940).

Адам Богданович.

Черновик письма Адама Богдановича Максиму Горькому. 04.07.1929.

Он переписывался со своей будущей на тот момент супругой, Александрой Павловной Волжиной-Богданович, также с её сестрой, Екатериной Павловной Волжиной-Пешковой, женой Алексея Максимовича Горького; литературным секретарём А. М. Горького П. П. Крючковым и самим Максимом Горьким. Среди документов есть и ответные письма адресатов Адаму Богдановичу. Проект призван на деле осуществить горьковскую идею взаимообогащения культур, развития международного научного и культурного сотрудничества, межкультурного и межнационального диалога, популяризации ценностей белорусской и русской литературы и культуры.

Впервые идея проекта прозвучала ещё в ноябре 2017 года в Москве, на экспертно-медийном форуме под названием «Новый вектор гуманитарного сотрудничества», организаторами которого выступили Постоянный комитет Союзного государства и МИА «Россия сегодня». В работе форума приняли участие и сотрудники Литературного музея Максима Богдановича. Они озвучили мысль о том, что поскольку между семьями Максима Горького и Адама Богдановича существовали тесные дружеские и родственные связи, то можно было бы рассказать о дружбе знаменитых людей заинтересованным читателям и исследователям. Прозвучали разные предложения о том, как это сделать: рассматривались и выставочный, и издательский варианты. Российская сторона поддержала предложения. Одно из них планируется реализовать уже в этом году.

Результатом проекта, который осуществляется при поддержке Постоянного комитета Союзного государства, станет юбилейное издание книги-альбома, куда войдёт и эпистолярий А. Богдановича из Архива А. М. Горького, и воспоминания о М. Горьком, оригинальные носители которых хранятся в фондах Литературного музея М. Богдановича, и уникальные фотографии из запасников Музея А. М. Горького ИМЛИ РАН. Презентация издания белорусскому и российскому читателю запланирована на конец года.

В Литературном музее Максима Богдановича хранится комплекс материалов, связанных с Максимом Горьким. Кроме воспоминаний Адама Богдановича о Максиме Горьком (они существуют в разных вариантах: машинописном, рукописном, есть отрывки воспоминаний, «странички» воспоминаний), это и письма Екатерины Пешковой Адаму Богдановичу, и черновики писем Адама Богдановича Максиму Горькому. Особенно интересны воспоминания А. Богдановича о дружбе М. Горького и Фёдора Шаляпина.

Переписка, которую вёл Адам Богданович с представителями семьи Горького, целиком не публиковались. Её ценность состоит в том, что она может дать новые сведения о жизни семьи Богдановичей в Нижнем Новгороде, а также поможет почувствовать атмосферу того времени.

Переписка А. Богдановича с юной А. Волжиной (1898 — 1899 гг.) содержит очень трогательные строки, приоткрывает глубоко личные, некогда доступные только двоим влюблённым тайны душевных переживаний, мучительных тревог, восторженных надежд и ожиданий. Имевший опыт семейной жизни, познавший всю полноту счастья общения с любимой женщиной, Богданович столкнулся с целомудренно чистым, детски невинным представлением о любви 18-летней девушки. Увлечённая красотой, умом и талантами взрослого мужчины (на 18 лет старше), Александра не была готова к браку, поэтому узнавала и готовила себя к нему в многостраничной исповедальной переписке с любимым. «Я люблю тебя всю, твою душу, но и тело, понимаешь ли, солнышко? Ты для меня единая и неразделимая. О, если бы ты так меня любила!.. Солнышко, ведь я плакал над твоим письмом, плакал, говорю это не стыдясь. <…> солнышко, я не хочу ангельской любви, когда мы будем ангелами, мы будем любить по-ангельски, а теперь я человеческое существо и душой и телом, и желаю любви настоящей, человеческой, а не какой-то благочестивой фальсификации», — писал А. Богданович любимой 2 июня 1898 г. из Нижнего Новгорода в Саратов.

Для белорусских исследователей очень важно, что российская сторона согласилась передать электронные копии писем музею Максима Богдановича. Сведения, содержащиеся в них, можно будет ввести в научный оборот: использовать в публикациях, докладах, презентациях. Это ликвидирует некоторые белые пятна в истории Нижегородского периода жизни семьи Богдановича, даст новые сведения об окружении Адама Богдановича и тем самым расширит поле поисков новых материалов и артефактов. Для музея Максима Богдановича это значительное событие.

В Москве письма полностью пока ещё не обработали с научной точки зрения. Хотя сотрудники музея Максима Богдановича предпринимали попытки получить письма для исследований. Около 20 лет назад главный хранитель фондов музея Валентина Белявская, командированная в Москву, получила доступ к письмам Адама Богдановича, адресованным Екатерине Пешковой. Из белорусских учёных также имел возможность почитать письма Леонид Зуборев. Он является автором нескольких художественно-документальных книг о классике белорусской литературы М. Богдановиче. Цитаты из писем, которые приводил Л. Зуборев в своих произведениях, могли быть неточными в силу жанра.

Издание, которое планируется, будет уникальным. Ни переписка Горького и Богдановича, ни полные воспоминания последнего о М. Горьком ранее не публиковались. Лишь коротко о взаимоотношениях между двумя семьями говорит Адам Богданович в воспоминаниях о сыне Максиме, также этот вопрос вскользь затрагивали белорусские исследователи Нина Ватаци и Алесь Бачило. Кроме того, в 2012 году составитель книги об Адаме Богдановиче «Я всю жизнь стремился к свету» Александр Ващенко впервые опубликовал в литературном журнале «Неман» воспоминания А. Богдановича о знакомстве и дружбе М. Горького и оперного певца Шаляпина (оригиналы хранятся в фондах музея Максима Богдановича). Примечательна история знакомства Шаляпина с семьёй М. Горького. Артист приехал выступать в Нижний Новгород. После концерта впечатленный Максим Горький прошёл за кулисы и познакомился с ещё только набирающим популярность певцом. Очень быстро молодые люди стали друзьями — Шаляпин провёл в семье Горького две недели, пока гастролировал в городе. Их дружеские отношения имел возможность наблюдать Адам Богданович, который был другом семьи М. Горького. После эмиграции Шаляпина его ценили как оперного певца, но в иных сферах старались не вспоминать.

Часть воспоминаний о М. Горьком была издана в Москве (сборник 1937 года). Но их сравнение с оригинальным текстом (который хранится в фондах музея М. Богдановича) выявило некоторые отличия, и даже сам А. Богданович в письме к Е. Пешковой писал, что его текст значительно покромсали, сократили и приписали слова, которых он не произносил.

Передача приурочена к Дню единения народов России и Беларуси. Организатором выступает Постоянный комитет Союзного государства. После официальной передачи сотрудники музея Максима Богдановича начнут расчитку писем, над которой уже трудятся сотрудники архива Максима Горького в Москве.

По материалам ИМЛИ РАН и Литературного музея Максима Богдановича подготовила Яна БУДОВИЧ

ДРУЖБА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Часть предметов, хранящихся в фондах Литературного музея Максима Богдановича, имеет прямое или косвенное отношение к семье известного русского писателя Максима Горького. Это связано с тем, что в 1896—1907 годах семья Богдановичей проживала в Нижнем Новгороде. Отец будущего гения белорусской литературы Адам Богданович достаточно быстро вошёл в круг российской интеллигенции Нижнего Новгорода. В числе его знакомых были директор Нижегородской мужской гимназии Сергей Щербаков, выдающийся певец Фёдор Шаляпин, адвокат Владимир Ланин и другие.

Семьи А. М. Горького и А. Е. Богдановича. Нижний Новгород. 15.01.1899.

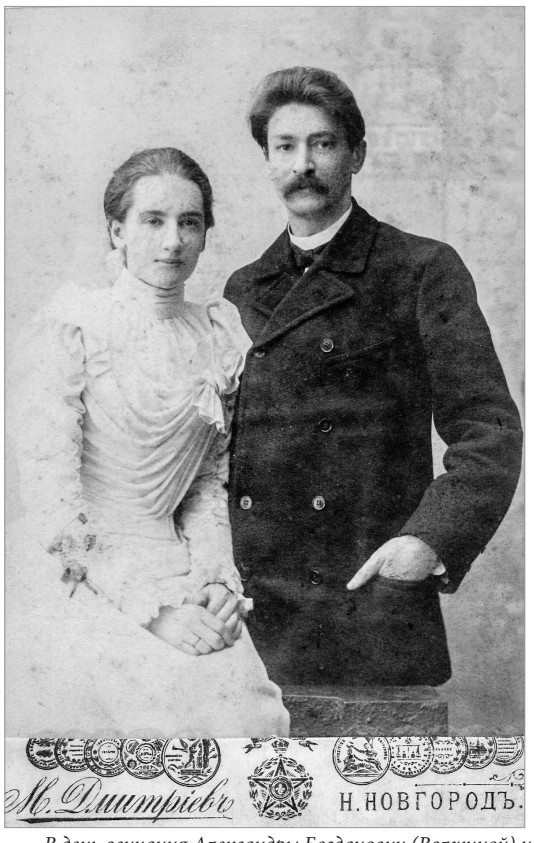
Особые отношения связали семьи Богдановичей и Пешковых. Знакомство с Алексеем Максимовичем Пешковым (Максимом Горьким), которое произошло благодаря рекомендации Евгения Чирикова, переросло в крепкую дружбу. Вот как писал А. Богданович: «Переселяясь на работу в Нижний, я запасся в Минске рекомендательными письмами от товарищей-народовольцев к разным лицам в Нижнем. В том числе у меня было письмо от писателя Е. Н. Чирикова к А. М. Пешкову, в скобках было добавлено — М. Горькому, — писателю, мне не известному, но которого мне рекомендовали как знатока Поволжья и Нижегородского края».

Адам Богданович познакомился не только с Максимом Горьким, но и с его супругой, Екатериной Павловной Пешковой и с её родной сестрой Александрой Павловной Волжиной. Спустя время семьи Богдановичей и Пешковых породнились, так как 15 января 1899 года А. Богданович и А. Волжина обвенчались. Для Адама Егоровича это был второй брак (первая жена, мать Максима Богдановича, умерла от туберкулеза в 1896 году). В фондах Литературного музея Максима Богдановича хранятся оригинальные фотографии, сделанные предположительно в день венчания. Представляет интерес машинопись «Воспоминания о А. Е. Богдановиче и его жене Александре Павловне», их автор — М. А. Барабейчик, соседка семьи Богдановичей. В них она дает описание внешности Адама Богдановича («высокого роста, худой, сгорбленный, сумрачный и очень молчаливый»), Александры Богданович («была чрезвычайно милой женщиной, но очень болезненной, хрупкой и слабой»).

Пишет она о взаимоотношениях между супругами: «Богданович очень любил жену», «просто трясся над ней». Часть воспоминаний посвящается Максиму Горькому, который ежедневно приходил в гости к Богдановичам. В частности, подчеркивается, что Софья Ивановна Турилкина, хозяйка квартиры, которую снимала семья Богдановичей, «с большим предубеждением относилась к писателю, считала его проходимцем», а вот Мария Егоровна Голован, родная сестра Адама Богдановича, наоборот, говорила, что «это большой талант, будущая знаменитость».

Такой же мысли придерживался и Адам Богданович, который видел взлёт творческой карьеры М. Горького: от работы репортёром в газете «Нижегородский листок» к вершинам русской литературы. О начале их отношений он говорил, что их объединяла общность взглядов, и отсутствовали непримиримые разногласия в оценке предметов и общественных явлений. В письме от 25 сентября 1932 года он дал такую оценку Максиму Горькому: «Милый и дорогой друг Алексей Максимович! С искренней радостью, сердечно обнимая Вас, приветствую 40-летие Вашей творческой работы в день, так сказать, Вашего рождения в литературу. Отрадно. Отрадно вспомнить — как скромно было начало […] — и как славно и бурно протекала наша жизнь и работа, переходя от победы к победе, вздымалась всё выше и выше до головокружительной высоты».

Отношения между А. Богдановичем и М. Горьким не были ровными, на протяжении лет периоды крепкой дружбы сменяла относительная прохлада. Напряжённость возникла после смерти Александры Павловны Богданович (Волжиной). Её не стало 15 ноября 1899 года от воспаления почек. Семьи Волжиных и Пешковых считали А. Богдановича косвенно виновным в смерти молодой женщины. М. Горький писал своему знакомому Л. В. Средину: «10-го сестра моей жены, жена моего приятеля Адама Богдановича заболела воспалением почек. Третьего дня она, находясь в беспамятстве, родила. В данный момент она всё ещё не пришла в себя и, наверное, сегодня вечером или завтра утром умрет, говорят доктора. Ребёнок у нас, жена моя сходит с ума. Я то и дело езжу в больницу и смотрю дома за сыном. Все мы растерялись…». Сын Адама и Александры Богдановичей воспитывался в семье Пешковых, умер 6 марта 1902 года.

В день венчания Александры Богданович (Волжиной) и Адама Богдановича. 15.01.1899.

Ещё одним важным источником информации о взаимоотношениях Богдановичей и Пешковых становятся письма. Адам Егорович в своих воспоминаниях с болью писал, что большая часть писем Максима Горького к нему за 1897—1904 гг. погибла во время пожара, связанного с известными событиями в Ярославле в 1918 году. Затем был период, когда они не поддерживали отношения, позднее переписка восстановилась, хотя, как отмечал А. Богданович, «в последние 10 лет жизни Алексея Максимовича я сознательно избегал часто писать, чтобы не затруднять его, больного, ответами, ибо он обычно отвечал на каждое мое письмо».

Содержание писем условно можно разделить на две равноценные части: первая — это воспоминания о былых годах, жизни в Нижнем Новгороде, вторая — просьба о помощи в решении различных проблем, касавшихся профессиональной деятельности А. Богдановича, его семьи, общих знакомых.

Большая часть писем, написанных в 1930—1931 гг., связана с изданием большого научного труда А. Богдановича «Язык земли. Образование речных и озёрных имен и производных. Хорографический и этнологический очерк». К сожалению, покровительство великого русского писателя не помогло, при жизни автора (А. Богдановича) труд не был издан. Сокращённый вариант вышел из печати в 1966 году, в Ярославле, полный машинописный текст находится на хранении в фондах Литературного музея Максима Богдановича.

Не только Максим Горький, но и Екатерина Пешкова в течение многих лет оказывала материальную и моральную поддержку семье Богдановичей. Это можно увидеть по письмам, имеющимся в белорусском музее, на хранении находятся 29 писем, открыток, телеграмм от Е. Пешковой к А. Богдановичу (датируются 1924—1940 гг.). В каждом из обращений прочитывается теплота, забота, желание помочь, например: «Дорогой Адам Егорович! Давно ничего о Вас не знаю — как Вы живёте после трудной зимы? Напишите».

Екатерина Павловна была крёстной матерью Павла Адамовича Богдановича (сына от третьего брака), переписывалась с ним, высылала деньги, принимала участие в его судьбе. Вот как вспоминал о ней Павел Богданович: «Вы уже знаете, что умерла Екатерина Павловна Пешкова. Я эту смерть очень тяжело переживаю. В своём теперешнем состоянии я не мог поехать па похороны, и это меня очень огорчает.

Из всей нашей семьи я более всех был с нею связан. Долгое время я у неё жил. Я назван Павлом в честь её отца, которого она очень любила. Может быть, этим объясняется её расположение ко мне. В моей жизни она очень многое делала для меня. Дважды даже обращалась по моим делам в Политбюро ЦК партии. Я пользовался её доверием и платил ей полной откровенностью».

Материалы, которые хранились в семье Богдановичей, были переданы Павлом Адамовичем Екатерине Павловне Пешковой для личного усмотрения, в том числе и шкатулка с перепиской отца и Александры Волжиной.

Особой гордостью коллекции музея Максима Богдановича является гелиогравюра со знаменитой картины Рафаэля Санти «Сикстинская Мадонна». Работу передала в музей Ирина Павловна Попова, приёмная дочь Павла Богдановича. Впервые об этой картине упоминает исследователь творчества Максима Богдановича Алесь Бачило. В своем эссе «Дарогамі Максіма» он цитирует фрагмент из воспоминаний Павла Богдановича: «Бацькаў пакой упрыгожвалі рэпрадукцыі з карцін “Ранак стралецкага пакарання” В. І. Сурыкава, “Хрыстос у пустэльні” і “Партрэт Дастаеўскага” В. С. Сярова, “Тры волаты” В. М. Васняцова, “Мадонна” Рафаэля. У свой час гэтыя карціны падараваў ім Максім Горкі, з якім Адам Ягоравіч праз другую жонку быў у сваяцтве».

Предметы, книги, переписка и документы, хранящиеся в различных фондовых коллекциях Литературного музея Максима Богдановича, являются свидетелями событий той великой эпохи, отражают отношения между семьями Богдановичей и Пешковых. Каждый из музейных предметов — всего лишь маленький штрих в огромной картине жизни.

Ирина МЫШКОВЕЦ

Фото из фондов Литературного музея Максима Богдановича

СНЫ О ЧЁМ-ТО БОЛЬШЕМ...

Валерий Казаков из тех российских писателей, которые считают белорусскую литературу великой. Потому что на самом деле он — и её часть тоже. Дело не только в членстве в писательской организации. Как секретарь Союза писателей России он, в принципе, знает о том, как идёт литературный процесс в мире. Но как представитель писательского сообщества Беларуси (да, и здесь он для всех свой!) невероятно патриотичен: любит, потому что знает прошлое и настоящее, следит за литературным процессом. И не только — очень активно вёл работу национальной культурной автономии белорусов в России. Он вообще не равнодушен к тому, что происходит на его родине. И доказывает делами и словами (пишет в том числе на белорусском языке): она не малая…

Фото Константина Дробова.

УРОВЕНЬ ПЕРВЫЙ: ОСОЗНАНИЕ

— Вы один их тех, для кого существенно притяжение родной земли. Будучи гражданином России, много делаете для культуры Беларуси. Похоже, что для себя определили, что значит родина.

— Это понятие довольно сложное, насколько стабильное, настолько и неустойчивое: стабильность можно сломать. Родина — это что-то, за что можно отдать жизнь. Почему-то острее всего мы задумываемся о значении этого понятия в экстремальной или непростой ситуации.

Я родился в Белоруссии, в 18 лет уехал и служил Советскому Союзу, потом 20 лет — Российской Федерации. И за эти годы пришёл к ощущению, что чувство родины закладывается не только на уровне генетики — оно закладывается с детства через менталитет и в восприятие окружающего мира. Если этот мир стал твоей частью, то другой мир не сможет его вытеснить совсем. Даже если ты потерял связь с родиной на уровне физического контакта, то астральные, духовные связи остаются. Мне часто снится один и тот же сон: деревня Заважанье в Витебской области, туман над маленькой речушкой. После этих снов я просыпаюсь энергетически полным, этого запаса мне хватает где-то на полгода.

Беларусь очень притягивает: здесь осталось сбалансированное понятие человека и социума, поэтому я всегда говорю, что это последняя криница Бога. Что-то с Беларусью случится — погибнет весь мир.

Я знаю многих в России, кто живёт с такими же ощущениями. К примеру, Олег Рудаков: для него нет вопроса, где его родина, он в Забайкалье гукает весну, совсем как в Беларуси.

— Вы ещё и помогаете культурно — родной Могилёвщине.

— Для меня было откровением, когда этот год в Беларуси стал Годом малой родины. До этого внимание уделялось серьёзным духовным и нравственным ценностям. И если руководство страны возводит малую родину — мой хутор, мою деревню — в ценность общегосударственного масштаба, это замечательно, значит, народ держится за свою родную землю, хочет сделать её лучше.

…У меня много идей по поводу проектов на малой родине. Мне случайно попалась одна книга конца XVI — нач. XVII века «Часослов», собрание молитв. Книга была издана в Могилёве. Пройти мимо неё и не купить я не мог. Она уже в Могилёвском музее.

УРОВЕНЬ ВТОРОЙ: ПОГРУЖЕНИЕ

— Много ли в России таких раритетов, которые имеют отношение к белорусской истории и могли бы порадовать наших людей?

— Когда я стал заниматься этим вопросом, понял, что не очень хорошо он проработан на законодательном уровне. Есть временно перемещённые ценности. Есть понятие реституции. Но большинство наших ценностей не относится ни к первой категории, ни ко второй. Мы были единой страной, и тогда ценности перемещались в рамках одного государства. Например, в Питере есть опись библиотеки Радзивиллов. Через эту опись можно узнать, что в ней было и что искать. Чтобы её оцифровать, нужно провести колоссальную работу, а это услуга не дешёвая.

Но мы попытались вытащить Баркулабовскую летопись XVII века. До этого Баркулабовская летопись полностью не публиковалась, какую-то часть российские исследователи представили. Я был третьим или четвёртым исследователем за время советской власти, который её держал в руках. Музейные работники с удовольствием бы отдали её на временное хранение (на срок от 50 до 180 лет). Мы попробуем этот вопрос решить с помощью Союзного государства, с правовых позиций. Понятно, что раритет стоит сумасшедших денег, но это может быть временная экспозиция, форму сотрудничества ведь можно найти. Есть масса раритетов, которые имеют не единичный экземпляр, и если один из них будет передан (на временное хранение, например) в наш Национальный музей или библиотеку, это не противоречит ничьим интересам. В Калуге есть часть коллекции Немцевича, которая была вывезена накануне Первой мировой войны. Когда я пришёл к директору музея, он задал вопрос: «Почему к нам не обращаются белорусы?» На уровне музеев можно достичь каких-то договорённостей. Белорусским музеям и исследователям нужно быть немного активнее.

— Не было желания искать крест святой Ефросинии?

— У меня есть два рассказа: какую-то часть своего времени пытался этим заниматься... Я не знаю, где находится крест. И предполагаю, что он может не существовать вообще. Может, она сама забрала его... К себе. Как угодно, например, рукой неряшливого чекиста, который сказал: «Что это за деревяшка?». Потому что, когда он попал в Могилёв, уже был в таком состоянии, что трудно было к нему относиться как к реликвии. И когда его выставили в областном музее, люди стали молиться, стали происходить чудеса... Испугались: что-то непонятное творится — и спрятали в запасники. У нас не всегда относились к реликвиям должным образом, особенно к религиозным. Наше общество пережило очень страшную эпоху переоценки ценностей — в советское время, когда тот, «кто был никем, стал всем». Из России тоже фурами вывозили антиквариат. Мы до сих пор не знаем наш исторический тыл. И не совсем понимаем роль в этом тылу советской интеллигенции.

УРОВЕНЬ ТРЕТИЙ: ПРОДВИЖЕНИЕ

— Писатели советского времени были интеллигенцией и элитой — их реально читали…

— На сегодняшний день писателя и властелина душ заменяет телевизор. Поэтому профессия писателя становится менее востребованной. При том, что сейчас можно опубликоваться довольно просто, но это не значит, что ты станешь писателем.

У нас сейчас тоннами издаётся литература. Чтобы пробиться, настоящей литературе действительно нужен труд. Никакая серьёзная редакция раньше не пропустила бы то, что мы называем бульварной литературой, или женское чтиво. Но она есть и должна существовать. Знаю ваших писательниц, которые очень активно издаются в России. Пусть и это читают: на сегодняшний день мы должны говорить о том, чтобы человек не разучился складывать буквы. Но, может, вслед за ним в его роду кто-то начнёт читать Набокова, Быкова, Ждана…

— Готово ли российское общество открывать белорусскую литературу сегодня?

— Знаете, российский читатель никогда и не закрывал для себя белорусскую литературу. Она как жила, так и живёт, да чего там, белорусские писатели давно уже вошли в современную, русскую классику. Алесь Адамович, Василь Быков, Максим Танк... И этот перечень можно расширять, что в глубь веков, что к нашим дням.

Интересным прорывом для сегодняшнего русского читателя стал выход второй книжки «Роман-газеты» за этот год. Многие писатели, критики, просто знакомые звонили, восхищались. Приятно за земляков. Олег Ждан, Алёна Браво, Елена Попова, Алесь Бадак, Людмила Рублевская — все пятеро, словно плотно сжатый кулак, звучно ударили в российский литературный гонг. Европейского уровня проза! И этот почин, на мой взгляд, надо продолжить. Есть ещё один пласт белорусской словесности, фактически неизвестный не только русскому, но и широкому белорусскому читателю, — стихи и проза расстрелянных в сталинские годы писателей. Приведу один только пример: Тодор Кляшторный. А ведь он по силе звучания вровень с Павлом Васильевым, а может, и пронзительнее.

Интересно, что, пройдя через эту мельницу, люди остались преданы своей земле, профессии. Интеллигенция малой страны оказалась выносливая, сакрально ориентированная и патриотичная. Это и сейчас так. В Беларуси даже полные антиподы всё равно найдут общий язык и по отношению к своей стране думают одинаково.

УРОВЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ: СЛУЖЕНИЕ

— Хотите ли Вы быть классиком?

— Нет. Это не зависит от моего желания. Это зависит от того, насколько ты будешь востребован. Пока тебя читают — ты классик. Как только тебя навязывают, можно перестать быть классиком.

Я пишу какие-то вещи, которые не могу не писать. Приятно, когда спрашивают: где вторая часть «Чёрного кота»? Вот это интересно, а не то, сколько твоих книг будет пылиться на полке.

— Роль и место писателя сегодня? Есть ли разница в подходах к пониманию роли писателя в России и Беларуси?

— Вопрос до обидного простой и до безумия сложный. Увы, и в России, и в Беларуси профессия писателя не внесена в перечень рабочих профессий и за писательство не полагается трудовая пенсия. Обидно. Но, как человек живущий на две страны, а по факту, как мы все, гражданин Союзного государства, могу с уверенностью заявить: положение писателя в Беларуси существенно отличается в лучшую сторону. Государству такая категория творцов нужна, и оно их, в силу своих возможностей, поддерживает. За Смоленском это не так. До недавнего времени областные писательские организации выживали как кто сможет, а ведь от деградации писателя деградирует и литература. В феврале прошёл съезд Союза писателей России. Сменилось руководство, председателем избрали Николая Иванова. Не союз принял Николай Федорович, а унылую богадельню, но, думаю, он сдюжит, практически все готовы к работе, за исключением горстки «странных активистов». Ничего, прорвёмся, ведь мы всегда вместе с нашими белорусскими друзьями.

Возможно, в один из своих первых визитов новый председатель Союза писателей России посетит Беларусь, чтобы лучше понять писательское сообщество и литературную ситуацию.

Что можно отметить в Беларуси: здесь осталась система пропаганды литературы. А это даёт свои плюсы. Российские писатели задыхаются, у них нет выхода к читателю. Я всегда завидовал белорусским писателям: всё время в разъездах, встречах.

УРОВЕНЬ ПЯТЫЙ: РАЗМЫШЛЕНИЕ

— Каково значение интеграционных процессов для писательского сообщества и литературных организаций наших стран?

— Писатель, с позволения сказать, тоже человек, и всякие процессы, идущие во благо людям, ему не чужды. Интеграция и писатель, да, мне кажется, что без коммуникаций и писателя толком не будет. Уже сама книга интегрирует и народы, и культуры, за то её, кстати, и ненавидят мракобесы. Возьмем, к примеру, известного и в Беларуси, и в России писателя Сергея Трахимёнка: он же челнок культуры! Голос его одинаково слышен и в Кричеве, и в Бийске, и в Ровно, и в Благовещенске. Или Юрия Полякова: его дома не застанешь, и читают его всюду. Так что сложно сказать, кто на кого влияет: писатель на интеграцию или она на него, — скорее всего, обоюдным будет процесс.

— Культурная составляющая Союзного государства: все ли понимают её необходимость и актуальность (разговоры идут в основном вокруг политики, но культура — один из её двигателей).

— Понимание необходимости культуры и её конкретизация в делах, порой, очень далеки друг от друга. Беда нашего времени — в остаточном финансировании культуры, этим грешат бюджеты и Беларуси, и России. Хотя культура, в отличие от экономики, выживает на самом солнцепёке реальности. В машиностроение не забрось вовремя денег — и всё: погасли мартены, сдулось производство, и покупай чужое. В культуре, по промыслу Создателя, всё устроено иначе. Талант — он и без финансов родится и разовьётся — главное, чтобы сохранилась Школа. А школа, творческая школа с большой буквы, в наших странах жива и даёт свои результаты, и результаты эти входят живым материалом в общую ткань этнокультурного пространства Союзного государства. Измерить же это пространство бюджетными, голыми цифрами весьма затруднительно, да и оно намного шире и глубже рамок Союзного договора. Хотя и сами цифры могут за себя постоять: до ста миллионов рублей в год траты союза, по обсуждаемому вопросу.

Искусство ведь дело тонкое: смотрим новый фильм, слушаем музыку, сопереживаем в театре, читаем увлекательную книгу, не жалеем ладошек на «Славянском базаре» и не задумываемся, а кто нам помог к такой красоте прикоснуться. Как правило, и в программках, и в титрах очень мелко напечатано, что всё это сотворено с помощью Союзного посткома. Как книжник, два слова скажу об издательских проектах, которые курирует сам Григорий Алексеевич Рапота. В прошлом году зашёл в Красноярске в лавку художников: в красном углу на мольберте, как на аналое, — большая книга Скорины в красном переплёте. Удивился и порадовался. Глянул выходные данные: издана Союзным государством. На юбилейной Минской книжной выставке событием стало издание трудов Симеона Полоцкого, одного из столпов нашей совместной словесности. А чего стоят альманахи молодых писателей и их переводы на русский. Перевод — это портал, как модно сегодня говорить, в иной и манящий мир неродного языка.

Я бы сказал, что сегодня Союз Беларуси и России существует как уникальное надгосударственное образование. Ценность его — и экономическая, и политическая, и социальная. И культурная. Главные итоги и ценности этого культурного образования мы, может, поймём через определённое количество лет. Мы достигли того уровня, что позволяет нам держаться в рамках цивилизованных отношений друг с другом.

Разговаривала Мария ОСИПЕНКО